

Когда Гермиона наконец появилась на поляне, Гарри уже привязал Беллатрису к стулу маггловским способом и привязал волшебным образом.

Он посмотрел на ее шаги, как раз вовремя, чтобы увидеть, как она отключила гламур. "Это было быстро," сказал он, удивленный. — Том не держал тебя вечно в баре?

Гермиона покачала головой. "Нет. Она не может двигаться?" — спросила она, указывая на Беллатрису, которая была без сознания, свесив голову набок.

"Нет, если я могу помочь этому," сказал Гарри с чувством. «Я взял ее палочку, но я не уверен, хотите ли вы сломать ее или оставить себе».

— Мы можем спросить Аделину, что она хочет с ним делать, — предложила Гермиона. «Возможно, она сама захочет сфоткать его».

Гарри мрачно кивнул. — Я хочу дать ей хотя бы это.

— Разбудим Спящую Красавицу? — спросила Гермиона с яростной ухмылкой. Сомнения ушли – дело сделано. Оставалось только выяснить, что она знала. На смену пришло желание добиться справедливости для себя, увидеть женщину, из-за которой страдали ее дни и ночи, наполненные беспомощным ужасом и бесконечной болью.

— Давай, — ответил Гарри. — Ты хочешь, чтобы она знала, кто мы?

Гермиона на мгновение задумалась, затем кивнула. «Да. Я хочу, чтобы мое лицо было одним из последних, что она увидит, когда умрет».

— Очень хорошо, — сказал Гарри. — Ты пройдешь через ее разум?

— Да, — сказала она. «Я лучше разбираюсь в Легименсии».

Он покачал головой. — Гермиона, ты лучше во всем.

Она начала было как бы не соглашаться, затем пожала плечами и кивнула. — Думаю, да, — сказала она с ухмылкой. Увидев возмущенное выражение его лица, она рассмеялась. «Гарри, я шучу. Насколько мне известно, ты лучше меня побеждаешь злых Темных Лордов».

Гарри играючи надулся, в то же время прижимая палочку к затылку Беллатрикс. «Я готов. Вперед».

Гермиона прошептала заклинание и смотрела, как Белла медленно просыпается. Она не

открыла глаза, воспользовавшись мудрым моментом, чтобы оценить свою ситуацию, прежде чем показать, что она проснулась и жива. Однако они оба знали: Гермиона могла видеть, как бессознательное состояние исчезает с ее лица, а Гарри чувствовал, как напряглись мышцы ее шеи.

Когда она открыла глаза, полностью осознавая, что связана и безоружна, а палочка упирается ей в затылок, она ахнула. "Ты!" — разозлилась она на Гермиону. "Ты! Предатель крови! Грязь! Мой Лорд услышит об этом! Ты предал свои собственные жизни, когда предал меня!"

Гермиона тихо усмехнулась. — Белла, Белла, Белла, — сказала она спокойным и дружелюбным голосом. — Боюсь, ты ошибаешься, моя дорогая. Она дружески положила руку на щеку Беллы, наклонилась и посмотрела ей в глаза. — Вот видишь, — продолжила она. «Я не могу быть предателем крови. Я то, что вы называете маленькой грязнокровкой».

Немедленно Белла начала визжать, яростно борясь с ограничителями. Она не могла двигать ничем, кроме головы, которая моталась, пытаясь вырваться из руки Гермионы. Гарри уже собирался сдержать ее голову, когда она внезапно замерла.

Он смотрел, как она замерла, глаза Гермионы впивались в фиолетовые глубины пленницы. Только легкое вздымание и опускание ее груди говорило о том, что она все еще жива, не подозревая о яде, текущем по ее венам.

Две женщины стояли так почти пятнадцать минут, глядя друг на друга, не мигая и непоколебимо. Внезапно Гермиона отшатнулась от Беллатрикс, резко выпрямилась и быстро заморгала, полностью игнорируя всхлипы Беллатрикс.

Гарри не сдвинулся со своего места позади Беллатрикс, хотя его руки жаждали обнять Гермиону. Вместо этого Гермиона подошла к нему и крепко обняла сзади.

"Что ты видел?" — мягко спросил он. — Что-нибудь важное? Глаза Гермионы были темнее, чем обычно, и слезы в них были не только от напряжения держать глаза открытыми.

Гермиона медленно кивнула. — Да. Волдеморт был в ярости из-за того, что дневник сошел с рук. Он часами мучил Люциуса.

Тело Беллы снова напряглось, и она снова начала пронзительно кричать. — Ты, грязная маленькая грязнокровка! Это ты забрал мою рабыню и дневник! Я...

Быстрое "Silencio" от Гарри решило эту проблему. — Давай один, — подтолкнул Гарри.

Гермиона продолжила. «Он еще не знает о кольце. И он не просил своих последователей о домашнем эльфе. Так что я не думаю, что он еще сделал медальон. Диадема находится в Хогвартсе. чашка, и дневник. Мы собираемся получить диадему. Это четыре. Он еще не

получил змею, так что пять, то же самое для медальона, шесть. Он был номером семь, а ты был номером восемь. Итак, мы просто нужно вернуться в Хогвартс и получить диадему. Затем мы должны уничтожить их всех».

Гарри согласно кивнул. «Звучит правильно. А как насчет того, что он делал для вербовки?»

«Просто то, что его последователь проговорился, что к власти приходит Темный Лорд. Что он стоит за всеми обрушенными мостами и несчастными случаями. Убийствами магглов. Темная метка, за исключением Сева». Гермиона на мгновение замолчала. «Мы должны предупредить его, что Темный Лорд пока еще не полностью доверяет ему. Ему любопытны мы с вами, и он был доволен вами, когда встретил вас. Мы нужны ему из-за наших предполагаемых связей с русскими».

Почти полчаса Гарри и Гермиона обсуждали информацию, почерпнутую из разума Беллы. Наконец, они просмотрели все подробности, которые она рассказала им о Волдеморте. Белла все еще сидела в кресле, с выражением растущего ужаса и гнева на ее лице, когда она смотрела, как они разбираются во всех планах, которые строил ее Лорд.

«И тогда он собирается приблизиться к гигантским кланам», — закончила Гермиона. Она и Гарри какое-то время смотрели друг на друга, прежде чем одновременно посмотреть на своего пленника. Гермиона кивнула Гарри, и он снял Заглушающие чары. Они оба согласились, что Беллатриса имеет право встретиться со своим убийцей.

Гермиона обошла стул, пока не оказалась прямо перед Беллатрикс.

— Беллатриса Лестрейндж, — сказала она бесстрастным голосом. — Говори сейчас, если хочешь говорить.

Вместо того, чтобы разглагольствовать, как Гарри и Гермиона ожидали от нее, Белла просто спросила жалобным голосом: «Ты собираешься меня Обливейтить сейчас?»

Гермиона покачала головой. «Для нас это рискованно».

— Так ты собираешься убить меня? — сказала Белла с нарастающей паникой в голосе. "Почему?" Затем в легком рыдании. — Я думал, ты мой друг.

Гермиона вздохнула. "Я был в твоём разуме, Беллатрикс. Прекрати играть. И технически мы тебя уже убили. Яд течет по твоим венам. Минут через двадцать ты почувствуешь слабость. устанешь, а потом просто заснешь. На этот раз ты не проснешься».

Лицо Беллы напряглось, затем снова разгладилось. «Чистокровное самообладание в лучшем случае», — подумала Гермиона. Даже перед лицом смерти они не допустят возможности появления морщин.

Она гордо вскинула голову. «Тогда я умру на службе у моего Господа», — объявила она. «Они будут помнить мою смерть, и когда станет известен новый порядок, они будут чтить мое имя как имя мученика».

Гермиона склонила голову. «Даже сейчас, смерть не за горами, ты не можешь признать, что твои взгляды могут быть неправильными? Что меня так отличает от тебя?

Глаза Беллы внимательно изучали лицо Гермионы. — Это не то, как ты выглядишь, — наконец сказала она. «Это внутри тебя. Это та часть тебя, которая навсегда останется магглом. Ты никогда не сможешь стать ведьмой».

— Но, — возразила Гермиона. «А как насчет того, что Чистокровные делают с собой, пытаются сохранить чистоту своих линий? Женятся на двоюродных братьях, дядях или тетях?»

— Это необходимо, — настаивала Беллатриса. «Наша магия станет слабее, если мы не сохраним наше наследие. Нечистая кровь убьет магию!»

«Ты убиваешь магию!» — почти крича, сказала Гермиона. «Скращение и дети, которые оно создает, ужасны! Магглы изучали генетику: части нас, которые делают нас нами. Материал клетки и то, что мы получаем от наших матерей и наших отцов. И если наши мать и отец родственны, значит, гены — они искривлены. Не то. Ребенок может быть уродливым или отсталым. Это мерзость природы!»

Беллатриса покачала головой. «Нет. Это невозможно». Все, что у нее осталось, это ее вера. И она не позволит никому отобрать его у нее.

Гермиона, казалось, поняла это и погрузилась в себя, молча сдвинувшись. «Хорошо. Я просто хотел спросить тебя об Аделине».

Беллатриса ухмыльнулась, выражение ненависти исказило ее лицо, пока не осталось ни капли красоты. «Эта маленькая шлюха. Ей должно было повезти, что она служит такой чистой семье, которая будет иметь высшую честь, когда...» Она замолчала, рассудительно обдумывая, как кончик палочки резко вонзается ей в шею, а другой — в шею. мог видеть точку между ее глазами.

— В твоих интересах не оскорблять наших друзей, — сказала Гермиона с опасным спокойствием. И Гарри, и Беллатрикс могли слышать ледяную ярость, горящую за ровным голосом. «Видите ли, мы держим над вами власть жизни и смерти. Или, точнее, власть безболезненной смерти против мучительной».

— Значит, ты будешь мучить меня? — спросила Беллатрикс, приподняв одну бровь привычным движением. «Ты будешь Круцио меня, пока я не покрою глаза кровью? Ты будешь вырезать восхитительные узоры на моей коже? Ты заставишь меня служить людям, которых я не желаю?»

— Нет, — ответила Гермиона все тем же тоном убийственного спокойствия. — Я — это вы. Я совсем другая. Я могу дать вам яд, который заставит вас корчиться от боли в течение нескольких дней. «Возможно, мне не следует этого говорить. Мне бы очень не хотелось видеть, что может произойти, если я произнесу заклинание и в то же время почувствую такую злость».

Гарри продолжил за нее. «Мы решили дать вам милосердную смерть. Смерть без боли, без страданий. Мы не просим вас быть благодарными, но мы просим вас признать уважение, которое мы оказали вам, уважая наших друзей».

Она просто плюнула Гермионе под ноги. «Я отказываюсь проводить последние минуты своей жизни в компании грязнокровок. И я полагаю, что ты тоже один из них?»

Гарри усмехнулся. «Ну, давайте. Я родился у Джеймса Поттера, чистокровного, и Лили Эванс, полукровки, в июле 1980 года. Что это делает меня?»

Белла рассмеялась ужасным отчаянным смехом. «Меня окружают безумцы».

Качая головой, Гермиона. — Он не сумасшедший. Думаю, мы можем вам сказать, раз вы скоро умрете.

Белла только усмехнулась: «Давай. Рассказывай свои безумные истории о будущем. Не то чтобы я могла тебя остановить».

Гермиона кивнула. "Верно. Но разве вы не хотели бы знать, придет ли ваш Лорд к власти?"

— Докажи мне это, — категорически сказала женщина в кресле. «Дайте мне доказательства».

Гермиона на мгновение нахмурилась. «Я не совсем уверен, как это сделать. Но я могу рассказать тебе кое-что о будущем, которое у тебя было бы».

— Но это не пытка? — спросила Беллатрикс. «Разве это не то, что причиняет боль больше всего? Лишение моей жизни после того, как я рассказал, как бы это было?»

Гермиона пожала плечами. "Это тебе решать." Она была в порядке в любом случае. Растущее волнение в ней говорило ей, что скоро мир, в котором она находилась, будет миром без Беллатрикс Лестрейндж. Беллатриса Блэк.

Она горько рассмеялась. «С таким выбором, как я могу сказать нет?»

Голос Гарри стал отстраненным, как будто он говорил из прошлого или из будущего. «Ты действительно вышла замуж за Лестрейнджа. Ты стала одним из самых страшных Пожирателей Смерти в Англии. Ты пытала людей, ты убивала людей, и все это под

руководством Волдеморта».

— вмешалась Гермиона, холодно глядя в фиолетовые глубины Беллы. «А потом Волан-де-Морт решил убить Гарри Поттера. И Гарри Поттер впервые убил его».

Белла побледнела как мертвая и снова начала сопротивляться. "Нет. Это невозможно. Мой Лорд бессмертен! Он никогда не умрет!"

Она медленно подошла к Беллатрисе, напомнив Гарри большую кошку, отслеживающую свою добычу. — Возможно, в первый раз это было правдой, — небрежно сказала она. — И он действительно вернулся, когда нам было по четырнадцать. А я впервые встретил тебя, когда мне было пятнадцать.

— Полагаю, я пытался тебя убить? — ласково спросила Белла.

— Ага, — сказала Гермиона, смеясь. "Ты был."

Гарри присоединился к ней в смехе. — Мы полностью надрали тебе задницу. Но ты был единственным, кого не отправили в Азкабан. Кстати, — он сделал паузу, и его ранее дружелюбный голос стал жестче. «Той ночью ты убил моего крестного отца. Я до сих пор не оплатил тебе за это».

Она отпрянула, насколько смогла, не в силах пошевелиться. "Что ж-"

«В любом случае, — продолжил он, — мы то и дело дрались, пока вы не заперли нас в своем доме».

Гермиона наклонилась так близко к лицу Беллы, как только могла стоять. «Вы позволили ему сбежать. С артефактами, которые вы должны были защищать».

Белла рассмеялась ей в лицо. «Но я должен держать тебя? Как мне повезло».

Лицо Гермионы напряглось. "Удовольствие было моим," выплюнула она. «Но твой Господь послал меня сюда, позволив мне убить тебя сейчас».

Гарри обошел Беллатрикс, чтобы отойти в сторону от Гермионы. — И ты хочешь знать, кто тебя убил?

"Кто?" — саркастически спросила Белла. — Ты? Твой маленький друг здесь?

— Нет, — сказал Гарри с ухмылкой. «Молли Уизли».

~0o0~0o0~

Лили и Джеймс стояли в центре комнаты, каждый держал в руках флакон с Обратным соком. Их окружали остальные Мародеры, плюс Аделина.

— Это в последний раз, — сказал Ремус с облегченной ухмылкой. «Только сегодня, а потом ты закончишь».

Лили зевнула и кивнула. «Да. Тяжело притворяться Гермионой. Все ожидают, что ты будешь идеальной. А она дружит со многими людьми».

Джеймс пожал плечами. «Быть Гарри весело. Это как быть мной, но больше людей боятся Гарри».

— Я боюсь Гарри, — сказал Питер, закатив глаза. «Разве ты не заметил, что он чертовски страшный? Или ты думал, что эти шрамы написаны заклинаниями?»

— Вы, ребята, готовы? — спросил Сириус. Он разглядывал стаканы с Обратным зельем в их руках, развалившись на одном из диванов в гостиной Гермионы.

— Да, — сказала Лили. "Наверное." Она осушила свой флакон, вздрогнув от вкуса. Она начала трансформироваться, уменьшаться, волосы вились и темнели. Она наклонилась, затем выпрямилась, одежда тяжело висела на ее маленьком теле.

— Снизу вверх, — сказал Джеймс с саркастической улыбкой. Он проглотил золотое зелье и слегка вздрогнул, когда его глаза изменили цвет, он слегка наполнился и стал на несколько сантиметров выше. — Ха, — сказал он, потягиваясь. «Это было не так уж и плохо».

— Тебе никогда не бывает так плохо, — сказала Лили, закатывая глаза. «Это потому, что у тебя не так много характеристик, которые нужно изменить».

Джеймс усмехнулся, его голос стал чуть ниже, чем обычно. "Ага."

Лили шлепнула его по голове, затем палочкой поправила мантию. "Идиот."

— Я знаю, — нежно сказал Джеймс, целуя макушку уже вьющихся волос Лили. "Я идиот."

— Мы все идиоты, — фыркнул Сириус. «Мы можем идти сейчас? Если мы правильно рассчитаем время, как вчера, тогда ты сможешь принять вторую дозу в ванной перед своим первым занятием».

Кресло, на котором лежал Ремус, заскрипело, когда он поднялся. «Пойдем, пока у мамы не появилась корова».

~0o0~0o0~

— Все в порядке, дорогая. Я люблю тебя. Все будет хорошо, — успокаивающе сказал Гарри, удерживая Гермину за волосы. «Не волнуйся. Все кончено».

Он медленно поднял свою палочку так, чтобы она могла ее видеть, затем произнес быстрое заклинание, чтобы очистить ее рот. — Вот так. Тебе лучше? Он немного волновался, зная, что случилось, но не зная, как помочь. Гермину не переставала плакать.

Она просто прислонила голову к его груди, позволив ему взять ее на руки и отнести в палатку. Свидетельством того, что только что произошло, был стул, все еще стоявший посреди комнаты, и слабый запах цветочных и дорогих духов.

Гарри осторожно опустил ее на кровать, сбросив туфли и носки, прежде чем заняться ее собственными. Он раздел ее, оставив ее в одних трусиках. По пути в небольшой душ в палатке он сбросил с себя рубашку и брюки, оставив очки на раковине в ванной.

Все это время он что-то тихо шептал ей, уверяя в своей любви, говоря ей, какая она хорошая, напоминая, что все кончено.

Зная ее предпочтения, он сделал воду настолько горячей, насколько это было возможно. Он попробовал рукой, поморщился, но все равно вошел, все еще держа ее в руках. Она вздрогнула и вздрогнула, когда на нее попала вода, а затем расслабилась в прохладе кожи Гарри.

Медленно, постепенно она перестала плакать. Гермину все еще цеплялась за Гарри с целеустремленным отчаянием, то ли не в силах, то ли не желая отпускать. В какой-то момент они опустились на пол в душе, Гарри держал Гермину на коленях, пока она рыдала.

Наконец ее плечи перестали трястись, кожа стала ярко-красной от жара воды. Гарри протянул руку и выключил воду, прислонившись к прохладной стене душа.

— Я люблю тебя, — прошептал он ей, нежно касаясь губами уха. «Я люблю тебя сейчас. Я любил тебя вчера. Я буду любить тебя завтра. Я буду любить тебя вечно и один день».

Ее большие шоколадные глаза были широко раскрыты и беззащитны, когда они смотрели на него, умоляя дать ей ответы, когда она знала, что у него их нет. "Как долго будет вечно?"

«Вечно будет до того дня, пока сама ткань времени и пространства не будет разорвана в клочья, и все миры исчезнут, и все звезды взорвутся. И на следующий день мы станем одним целым. Ветры времени перестанут удар, и кузницы войны останутся ржавыми и

неиспользованными. Послезавтра навсегда будет день, когда нас больше не будет ни в какой памяти, и легенда о нашей любви никогда не пройдет из уст другого человека».

Ее губы растянулись в грубой имитации улыбки, которая, по мнению Гарри, была необъяснимо красивой. «Ты можешь быть необычайно красноречивым, когда захочешь».

Его лицо расплылось в улыбке чистого облегчения. «У меня есть причина быть красноречивым».

— И по какой причине? — тихо спросила она его, зная ответ, но нуждаясь в том, чтобы услышать его снова.

Его изумрудные глаза были мягкими и пылали теплым огнем, согревавшим ее внутренности и расплавлявшим разум. «Видите ли, у меня есть эта девушка. Она самый умный человек, которого я когда-либо встречал. По какой-то невероятной случайности мне удалось добиться ее расположения. Мне приходится использовать красноречивые слова и красивые украшения, чтобы удержать ее», — сказал он, нажимая поцелуй в лоб. «Ее зовут Гермиона Грейнджер, и если бы она хотела луну, я бы принес ее ей на блюде, сделанном из звезд и выкованном на солнце».

Он неловко поднялся и обнял ее, прижавшись лицом к ее мокрым кудрям. «Я люблю тебя, Гермиона Грейнджер. Я не хочу ничего, кроме как сделать тебя Гермионой Поттер. Я хочу твоего счастья, я хочу твоей безопасности, мне нужна твоя любовь». Его глаза умоляли ее. «Пожалуйста, скажи мне, что любишь меня. Пожалуйста», — умоляю я.

Гермиона склонила голову и поцеловала его в грудь. «Я люблю тебя больше, чем я когда-либо мечтал. Безответная любовь может только чахнуть так долго. Я никогда не мог представить, насколько моя любовь к тебе вырастет, когда я увижу, что ты тоже любишь меня».

Гарри поцеловал ее в лоб, затем потянулся за палочкой на стойке. Он использовал быстрое заклинание, чтобы высушить их, позволив себе лишь мгновение полюбоваться грудью Гермионы, прежде чем дать ей полотенце. Она приняла его и обернула вокруг себя, но отпрянула от двери.

— Не могли бы вы... не могли бы вы убрать стул оттуда? — робко спросила она. — А может быть, к чарам, очищающим воздух?

— Конечно, — сказал Гарри, оборачивая полотенце вокруг талии и стягивая под ним боксеры. — Дай мне пару секунд.

Он вышел в главную комнату, испепелил стул и развеял пепел, а затем произнес заклинание освежения воздуха, чтобы избавиться от запаха духов Беллатрикс. Он сотворил заклинание, которое Тонкс показала ему перед смертью, собрав одежду, которую они носили, и применив к ней то же самое, что и к стулу. Они оба предвидели это, стараясь не надевать ничего, к чему

были особенно привязаны.

Когда последний слог Исчезающих чар сорвался с его губ, из-за двери выглянула голова Гермионы, а за ней ее тело, все еще прикрытое полотенцем. Она подошла к сумке с их одеждой, выбрав большой топ и новую пару трусиков.

Она заползла в кровать, свернувшись в комочек и натянув на себя одеяло. — Я собираюсь вздремнуть, — сонно сказала она. "Мы можем поговорить позже?"

— Конечно, любимая, — прошептал он, целуя ее в лоб. — Мы всегда можем поговорить позже.

Ее глаза закрылись сами по себе, и Гермиона погрузилась в комфортный и теплый сон, ее сны еще не начались.

Гарри смотрел несколько минут, затем переоделся и вышел на поляну, где положил кость, в которую превратилось тело Беллатрикс. Он поднял его и с любопытством посмотрел на него. Эта кость была мертвой женщиной. Мертвая женщина.

Он ненавидел играть в Бога. Во время акта он чувствовал себя почти могущественным, почти неконтролируемым. Но вместе с ощущением абсолютной власти появился тошнотворный привкус в горле, как будто единственное, что удерживало его от рвоты, это то, что он должен был все контролировать. А потом, когда все закончилось, пьянящее чувство, вызванное адреналином, исчезло в одурманившем порыве, от которого у него закружилась голова и появилась тошнота.

Он знал, что то, что они сделали, очень легко можно было определить как правильное: они забрали с улицы женщину, которая убьет сотни людей, сделав ее неспособной причинить вред другому человеку.

Он знал, что то, что они сделали, очень легко можно было определить как неправильное: они взяли женщину, которой оставалось жить двадцать лет, и зарезали ее, хладнокровно убили, причинив тем, кто любил ее, горе и боль.

По его мнению, у него не было выбора в этом вопросе. Беллатрикс Лестрейндж — нет, Беллатриса Блэк должна была умереть. Он и Гермиона пытались сделать ее смерть как можно более легкой и безболезненной, предоставив ей волшебным образом погрузиться в сон до того, как онемение ее тела станет ужасающим, что позволило ей говорить о том, что она хотела, прежде чем умереть. Но они все равно убили ее.

Прошло много времени с тех пор, как Гарри верил в Бога. Он знал, что у Гермионы все еще была вера, но он не был воспитан в ней, и единственный раз, когда он молился, был в опасной ситуации, когда с большой вероятностью его убили.

Однако сейчас он почувствовал сильное желание узнать : убедиться, что Беллатриса будет отправлена в ад или в рай, или куда бы она ни принадлежала, узнать, будут ли он и Гермиона отправлены в рай или в ад за то, что они сделали.

Они больше не были в эпицентре войны, у них не было никаких оправданий, кроме Аделинн, для ее убийства. Они знали, что в их время она станет убийцей, но станет ли она убийцей в наше время? Осталась бы она Беллатрикс Лестрейндж, которую они знали и ненавидели, без Лорда Волан-де-Морта? Была бы она все еще жестокой и безумной, если бы ее не отправили в Азкабан?

Гарри прошел немного дальше в Лес Дина, остановившись перед высоким деревом с широкими зелеными листьями. Он использовал свою палочку, чтобы вырыть дыру у ее основания, а затем бросил кость в дыру.

— Во имя Отца, Сына и Святого Духа, — тихо сказал он. «Судите об этой женщине, как считаете нужным. Я не уверен, совершил ли я только ужасную ошибку или правильное, но трудное решение. Помогите мне, если ты существуешь. Боже, ты дал мне трудный путь. Я благодарен, что ты дал мне хотя бы Гермиону. Но, пожалуйста, не ставь передо мной этот выбор снова. Аминь.

Через короткое время дыру покрыла куча грязи, и кости уже не было видно. Он использовал свою палочку, чтобы вырезать крест на дереве, под которым он похоронил ее, отмечая ее могилу.

Обратный путь к палатке был тихим, тишину нарушал только легкий хруст его шагов да редкое чириканье птиц. Солнце опускалось в небо, еще не закат, но уже близко.

Когда он вошел в палатку, отодвинув полог и моргая, пока его глаза привыкали к отсутствию света, он понял, что что-то не так. Ему потребовалось всего мгновение, чтобы найти Гермиону, лежавшую одну на маленькой кровати и беззвучно плачущую во сне.

Было очевидно, что ей снится кошмар, поэтому он разделся и забрался к ней в постель, прижимая ее теплое тело к своей груди, пока она не перестала трястись и не погрузилась в спокойный сон.

<http://tl.rulate.ru/book/79341/2397830>